

УДК 271.22(571.56)“192”

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.63>

Поведенческая стратегия и интеллектуальный выбор духовенства Якутии в 1920-х гг.

И. И. Юрганова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия*

Аннотация. Рассматриваются интеллектуальные практики и поведенческая мотивация представителей духовенства Якутии в первые десятилетия советской власти, приведены различные аспекты адаптационной вариативности, даны краткие характеристики и психологические портреты священников-интеллектуалов национальной окраины первой четверти XX столетия. Выявлены и введены в научный оборот ранее не изученные исторические источники (эго-документы и материалы судебно-следственных дел) о деятельности представителей духовенства в условиях первых лет советской власти, представлены практики их адаптаций к новым историческим условиям. Выявлены сведения о староцерковном (тихоновском) духовенстве, показаны условия возникновения обновленческой общины в г. Якутске, определен ее административный аппарат.

Ключевые слова: интеллектуальные практики, поведенческая стратегия и интеллектуальный выбор, первые десятилетия советской власти, духовенство Якутии, обновленчество, Якутская епархия.

Для цитирования: Юрганова И. И. Поведенческая стратегия и интеллектуальный выбор духовенства Якутии в 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 63–74. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.63>

В современной гуманитарной науке понятие «интеллектуальные практики» зачастую применяется как антитезис распространенным ранее представлениям об интеллектуальной деятельности в аспекте максимально свободной, незаинтересованной, независимой от социальных интересов форме человеческой активности. В данном исследовании под интеллектуальными практиками понимается деятельность, включенная в социальные процессы и интеллектуальный выбор индивида, когда социальная реальность представлена единством общества как объективной системы социальных отношений, составляющей внешние рамки человеческой деятельности и общества как системы представлений, схем мышления и поведения, конструируемых людьми, составляющих внутренние границы и ориентиры человеческой деятельности [2, с. 81]. В связи этим очевидно, что объективный мир социальных институтов нуждается в легитимации, или «истолковании своей необходимости для следующих поколений», а деятельность человека предполагает наличие субъективного смысла, осознание целей, мотивов действий и, как следствие, принятие им способов и направлений (ролей и ценностей) этой деятельности [1, с. 101].

Значимость религиозной составляющей в современном российском обществе актуализирует необходимость ее исследования, что невозможно без учета исторического опыта, в том числе на уровне регионов. Исследовательский интерес представляет сравнительный анализ стратегий выживания и поведенческих характеристик представителей духовного сословия и их взаимоотношений с новой, не признающей религии властью, психологии «отверженных» и попыток адаптации.

Ментальность большей части населения Российской империи исторически основывалась на традиционных ценностях, в том числе и православной религии. С XVII в. Русская православная церковь структурно входила в состав государственно-управленческого аппарата, и к началу XX в. религиозные институты России уже перестают удовлетворять общественную потребность в социальных изменениях, требующих более интеллектуальных средств символического обоснования.

Интеллектуалы начала XX столетия стремились быть востребованными и полезными, включенными в социум, в их мировоззрении присутствовала мотивация к самореализации, проявлению своих способностей, разработке и легитимации проектов социальных преобразований на благо человечества. Бесспорно, что они были связаны с социальными группами, которые могли себе позволить образование, известную долю праздности, меценатство и вольнодумство [2, с. 83]. Вместе с тем в условиях географической отдаленности территории Якутии, ее окраинности представители духовного сословия всегда входили в состав немногочисленной местной интеллигенции, являясь наиболее образованной частью якутского общества. Следует отметить и обособленность духовного сословия, обусловленную спецификой социальной группы, маркирующей свои границы и сохраняющей автономность и независимость.

Исследование предусматривает обращение к конкретным личностям, представляющим интеллектуальную элиту якутского духовенства, их индивидуальным стремлениям и действиям с целью выявления общественных представлений и тенденций в Якутии в 1920-х гг. в контексте сравнительных психологических портретов представителей духовного сословия Якутии, а именно: представителя традиционного (тихоновского) духовенства архимандрита Серафима (И. З. Винокурова), обновленческого архиепископа Николая (Н. И. Винокурова) и священника Ф. М. Сивцева. Видится важным обращение к поведенческим характеристикам и в целом конструирование представления о практиках адаптации духовной элиты к новым историческим условиям.

Изучение ранее недоступных исторических источников – судебно-следственных дел, в том числе впервые вводимых в научный оборот, обусловило возможность обращения к личности архимандрита Серафима (И. З. Винокурова), представителя известного и уважаемого в Якутской области рода священнослужителей. Первые упоминания о семье дьякона Иоанна Винокурова соотносятся с началом XIX в. Его сын Егор получил духовное образование и был направлен псаломщиком кафедрального собора

Новоархангельска (Ситка) в Русской Америке, а внуки в большинстве избрали духовное поприще [4, с. 64].

Архимандрит Серафим, в миру Иннокентий Зиновьевич Винокуров (рис. 1), родился в феврале 1882 г., обучался в Якутской духовной семинарии, со второго класса которой был направлен в Московское синодальное училище церковного пения и, получив музыкальное образование, стал регентом архиерейского хора Якутской епархии. В 1902 г. он был назначен псаломщиком походной Благовещенской церкви, в 1904 г. рукоположен во диакона, в 1905 г. во священника к Нюрбинской Николаевской церкви. Тогда же Винокуров был назначен законоучителем Мархинского народного училища, в 1907 г. переведен в г. Якутск на должность иерея походной Благовещенской церкви, в 1909 г. стал заведующим 7 благочиния Якутской епархии¹. В 1917 г. он работал в Комитете призрения (по выбору) и педагогическом техникуме, затем, в ноябре 1918 – декабре 1919 г., служил на священнической должности². В начале 1919 г. он становится священником и ключарем Якутского кафедрального Свято-Троицкого собора. Тогда же Винокуровым было подано прошение начальнику Иркутского почтово-телеграфного округа и в Якутский епархиальный совет о допуске его к изучению почтово-телеграфного дела в связи с «материальной необеспеченностью духовенства Якутской епархии»³. С 1921 г. Винокуров – настоятель кафедрального собора.

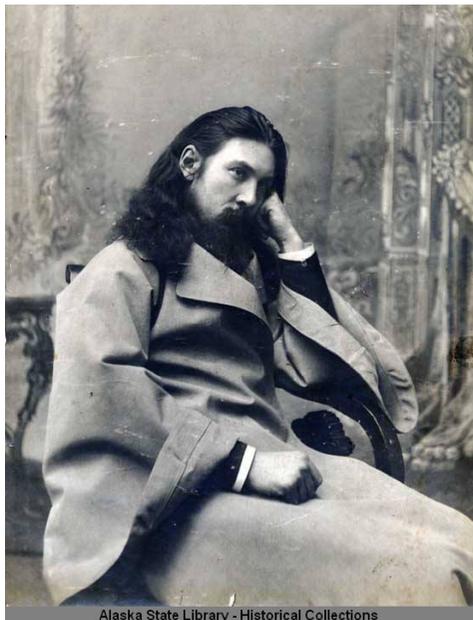

Рис. 1. Священник Иннокентий Зиновьевич Винокуров.
Начало XX в.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее НА РС(Я)). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 168. Л. 44.

² Архив УФСБ по Республике Саха (Якутия). Д. 3303-р. Л. 4 (об.).

³ НА РС(Я). Ф. 464-и. Оп. 1. Д. 4. Л. 88–88(об.).

Еще одно прошение о. Иннокентия, датированное апрелем 1921 г., было направлено в Губернскую комиссию по ревизии мест заключений: он просил рассмотреть дело находящегося в местах лишения свободы епископа Якутского Софрония (Арефьева)⁴ и освободить архиерея на поруки под личную ответственность⁵. Исследователями Комиссии Якутской епархии по канонизации святых установлено, что в 1925 г. о. Иннокентий совершил поездку в Москву, но ни причину, ни цель поездки установить не удалось [6, с. 79]. В январе 1927 г. протоиерей Винокуров принял монашество под именем Серафим⁶.

С именем архимандрита Серафима связана деятельность духовенства Якутии в первое десятилетие советской власти, так как именно он стал ее центром и лидером. В сложившихся обстоятельствах архимандрит стремился коммуницировать с другими людьми, создавая и поддерживая отношения на основе христианской морали и нравственности. Организация и проведение церковных служб, спасение храмового имущества, борьба с обновленчеством, поддержка оставшихся без средств священноцерковнослужителей и их семей – все это составляло повседневность о. Серафима. По воспоминаниям якутских старожилов, архимандрит имел хороший голос и любил петь, был человеком большой внутренней культуры, корректным и тактичным и вместе с тем умел отстаивать свои взгляды и принципы.

Имеются неполные и отрывочные сведения о епископате Якутии в 1920-х гг. В 1924 г. обновленческим епископом был назначен Гавриил (Ландышев)⁷, но установить его фактическое пребывания в Якутии не удалось. С 1924–1925 гг. в Якутске проживал перешедший в обновленчество епископ Макарий (Павлов)⁸, пожилой и не принимавший участия в церковной жизни⁹. В 1926–1927 гг. во главе упраздненной, но продолжавшей действовать «староцерковной» Якутской и Вилюйской епархии, находился епископ Синезий (Зарубин)¹⁰. В 1928 г. после освобождения из ссылки управляющим Якутской епархией был назначен епископ Иринарх (Синеоков-Андреевский)¹¹, прибывший в Якутск в июле 1928 г. Есть данные, что священноцерковнослужители и верующие, в том числе из улусов и наслегов, обращались за помощью к архимандриту Серафиму. Он составлял письма и обращения, подыскивал жилье для приезжих, по возможности оказывал фи-

⁴ *Софроний, архиепископ (И.А. Арефьев)* (1879–1937), с 1919 г. управляющий Якутской епархией, в 1921 г. арестован и выслан за пределы Якутии. В 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Красноярскому краю приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1989 г.

⁵ Архив УФСБ по Республике Саха (Якутия). Д. 2640-р. Л. 5–5об..

⁶ НА РС(Я). Ф. 278-и. Оп. 1. Д. 208. Л. 67 (об.).

⁷ *Гавриил, архиепископ обновл. (Г. И. Ландышев)* (1892 – после 1930), в 1924 г. обновленческий епископ Якутии.

⁸ *Макарий, епископ (М. М. Павлов)* (1867–1925(?)), в 1905–1909 гг. епископ Якутский и Вилюйский. В 1920-х гг. перешел в обновленчество.

⁹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 485. Оп. 2. Д. 144. Л. 70–78.

¹⁰ *Синезий, епископ (С. Г. Зарубин)* (1886–1937), в 1926–1927 гг. – епископ Колымский, викарий Якутской епархии, затем епископ Якутский и Вилюйский. В 1931–1937 гг. – осужден, отбывал заключение в Белбалтлаге, расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1999 г.

¹¹ *Иринарх, архиепископ (Синеоков-Андреевский)* (1871–1933), в 1911–1913 гг. – инспектор Якутской духовной семинарии в сане игумена, в 1927–1930 гг. проживал в г. Якутске.

нансовую и медицинскую помощь нуждающимся. После ликвидации органов и учреждений Якутской епархии Свято-Троицкий собор, где служил архимандрит, стал местом сосредоточения церковной утвари, облачений, духовной литературы и архива.

В 1928 г. в профсоюзных организациях города была развернута полемика о судьбе зданий градо-якутских храмов и действующего соборного прихода, начало строительства храма которого относится к 1708 г. Несмотря на протесты верующих весной 1929 г., собор был закрыт с указанием на «ошибочную регистрацию здания в качестве исторической или художественной ценности». Настоятель храма предпринимал попытки его спасения и законными методами пытался протестовать против государственного насилия. Он обращался с заявлениями и ходатайствами во ВЦИК, СНК РСФСР, Главнауку, Якутское управление строительного контроля с обоснованием исторической ценности здания собора и, выражая несогласие с заключением особой Технической комиссии от 3 августа 1929 г., пояснял, что «составленный комиссией акт обследования не точен, не ясен, не обоснован, почему и опротестован по существу особым мнением члена Комиссии – представителя от Коллектива верующих; не подписан вовсе одним из инженеров и отсутствует также подпись второго инженера в заключительной части акта, что равносильно отсутствию мнений двух главных авторитетных экспертов, участвовавших в Комиссии»¹².

Затем, после реквизиции собора началось следствие по обвинению архимандрита в создании контрреволюционной группы, подготовке антисоветского восстания и сборе сведений о жизни и деятельности советских учреждений с целью дальнейшего их использования для контрреволюционной работы. Из 15 подследственных частичную вину признал только один, и решением тройки при ЯОООГПУ 10 обвиняемых, в том числе архимандрит Серафим (Винокуров), были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны, трое заключены в Сибирский концлагерь, еще двое сосланы в Нарымский край.

Безусловный интерес представляет персона обновленческого архиепископа из якутов Николая Иовлевича Винокурова (1880–1937 (?), (рис. 2, 3) уроженца Средне-Колымска, потомственного священнослужителя¹³, полиглота и эрудита, нашедшего возможность реализации в стане обновленцев. Возникновение и деятельность обновленческого движения в удаленной от центра Якутии связана с личностью Н. И. Винокурова.

После обучения в Якутском духовном училище он служил в Октемской Троицкой церкви, принимал активное участие в проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1896–1897 гг., за что был награжден бронзовой медалью на ленте. С 1906 г. в священническом сане состоял в причте Градо-Якутской Преображенской церкви, был законоучителем образцовой школы при епархиальном женском училище и 2-м городском приходском училище, членом Совета епархиального женского училища¹⁴.

¹² НА РС(Я). Ф. 50-р. Оп. 1. Д. 438. Л. 58–59.

¹³ По некоторым данным, род священников Винокуровых нес службу на Колыме с конца XVIII в.

¹⁴ НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 1. Л. 12–16; Д. 159. Л. 1–6; Д. 180. Л. 25–28; Д. 212. Л. 23–25.

Рис. 2. Архиепископ Средне-Колымский Николай (Винокуров) с прихожанами и сестричеством. Октябрь 1927 г., Средне-Колымск

Рис. 3. Н. И. Винокуров. 1936 г. Фото из следственного дела Архива ФСБ Карелии (из личного архива В. Е. Васильева (Харысхал))

Карьерный рост был прерван произошедшими в стране политическими событиями, и о. Николай, отрекшись от духовного сана, становится счетоводом в советской милиции. Дискредитировав себя в глазах местного духовенства, он уезжает в Иркутск, бывший в начале 1920-х гг. одним из центров обновленчества в Сибири, и в 1926 г. служит в обновленческом храме, где и встречается с идеологом обновленчества А. И. Введенским во время выездных диспутов последнего [5, с. 66–68]. Энергичный и деятельный, он просит о назначении в Якутию и в 1927 г. прибывает в Средне-Колымск в сане обновленческого епископа.

Интересно, что епископ Николай отказался именоваться якутским архиереем, мотивируя это потерей авторитета в среде якутского духовенства в связи с отречением от церкви. Вместе с тем знание края, ментальности и языка позволили первому епископу из якутов создать на Колыме обновленческую общину и организовать ее деятельность, в том числе по сбору взносов на содержание обновленческого Синода и митрополитанских обновленческих областных управлений, учредить сестричество. Вероятно, население далекой Арктики, услышав о приезде епископа и не имея представления о церковном расколе и обновленчестве, радушно принимало нового епархиального архиерея, а его энергетика и ораторский талант позволили за короткий срок завоевать расположение прихожан [7, с. 215–216].

Обновленческая церковь Якутии находилась в подчинении у Дальневосточного митрополитанского областного церковного управления (ДМЦУ), предоставившего епископу Николаю полномочия на проведение работы по внедрению обновленчества в г. Якутске. Но, прибыв в Якутск, Винокуров встретил сопротивление со стороны представителей местного духовенства, остававшихся последователями патриарха Тихона (Белавина). Идеальным соперником обновленческого епископа стал архимандрит Серафим, которого он называл «лидером города», оказывающим значительное влияние на его жителей. Неизвестно, состоялась ли их личная встреча, но представляется очевидным, что они взаимодействовали опосредованно, имея и сторонников, и противников.

Результатом деятельности епископа Николая стало учреждение в городе обновленческой общины, и к 1930 г. обновленцы имели два храма (Градо-Якутские Преображенскую и Николаевскую церкви). После передачи управления Якутской обновленческой епархией в Иркутск туда переехал уже архиепископ Средне-Колымский и Анадырский Николай. Известно, что в 1933 г. он служил в Иркутске, где и был арестован за поддержку Послания иерархов правительству СССР¹⁵. Затем вновь был осужден в 1937 г. В следственном деле архиепископа он характеризуется как ученый-богослов, владеющий французским, итальянским, немецким и якутскими языками¹⁶. Имеются сведения, что архиепископ Николай был расстрелян в 1937 г. «за участие в контрреволюционном заговоре» в Белбалтлаге ОГПУ.

Исследователи отмечают, что интеллектуальными лидерами можно именовать обладающих высокоразвитым интеллектом, бесспорными лидерскими качествами, при условии, что они способны реализовывать свой потенциал. Кроме того, интеллектуальный лидер должен иметь не только лидерские качества, но и коммуникативный талант, умение привлечь и вдохновить и/или заставить окружающих участвовать в его начинаниях, транслировать свои идеи и основные методы деятельности, передавать поведен-

¹⁵ В июне 1926 г. соловецкие епископы (17 человек из находившихся на Соловках) во главе с архиепископами Иларионом (Троицким), Евгением (Зерновым), Пахомием (Кедровым), Ювеналием (Масловским) составили «Памятную записку соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства СССР», основной мыслью которой была просьба о легализации церковного управления без вмешательства во внутренние дела церкви.

¹⁶ Личный архив драматурга В. Е. Васильева (Харысхал).

ческие практики [3, с. 9, 10]. Данные характеристики можно соотнести с представителями духовенства Якутии – архимандритом Серафимом и архиепископом Николаем, представлявшими и реализовавшими в условиях советской власти различные практики интеллектуальной деятельности.

События в Якутии и на Дальнем Востоке в 1921–1925 гг., в том числе и положение представителей духовенства, нашли освещение в дневниковых записях якутского интеллигента в первом поколении священника Федора Григорьевича Сивцева. В его объемном дневнике (180 печатных листов с авторскими рукописными дополнениями и правками) содержится анализ конкретных ситуаций конкретного времени, позволяющий реконструировать субъективные картины реального мира, отражающие внутренний мир индивида и его понимание смысла и значимости своей принадлежности к культурной памяти [8, с. 155].

Ф. Г. Сивцев родился в 1875 г. в с. Таттинское Жехсогонского наслега Таттинского улуса Якутского округа, окончил Якутское двухклассное миссионерское училище и духовную семинарию (рис. 4). В 1895 г. был назначен учителем Якутского миссионерского общества с исполнением обязанностей надзирателя, библиотекаря и делопроизводителя. В 1897 г. проходил обучение в Казанской духовной семинарии и затем, будучи на педагогических курсах в Санкт-Петербурге, принимал участие в переводе на якутский язык Евангелия. После возвращения в Якутск был назначен учителем церковно-приходской школы, членом миссионерской переводческой комиссии и экзаменационной комиссии «для испытания ищущих сана и звания священнослужителей». С 1903 г. находился на служении в Мегинском храме, в 1909 г. был переведен в приход Маинской Васильевской церкви¹⁷.

В 1909 г. священник Сивцев был обвинен в политической неблагонадежности («пение революционных песен с политссыльными; распространение брошюры преступного содержания, призывающей к бунтовщическим действиям, к свержению существующего строя и неуважению к особе царствующего государя императора, искажение молитвы с пропуском моления о государе императоре»), запрещен в священнослужении, рясоношении и преподавательской деятельности и приговорен к заключению в крепости на 1 год 4 месяца с последующей заменой содержания в Якутском Спасском монастыре. В итоге он был помилован, но год находился в запрете и не получал содержания.

В 1916 г. против Сивцева вновь было возбуждено следственное дело: «Дозволил себе произнести оскорбительные выражения... что государь наш Николай не русской крови и поэтому действует не в пользу русского государства, а во вред, благодаря чему и происходят различные беспорядки и междоусобицы... принимая во внимание упорное отрицание подсудимым своей виновности... назначить подсудимому наказание... подвергнуть его к заключению в крепости на 4 года, но на основании Высочайшего указа от 21 февраля 1913 г. от назначения наказания освободить»¹⁸.

¹⁷ НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 138. Л. 68–72.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1883. Л. 23,63 (об.).

Рис. 4. Священник Ф. Г. Сивцев с семьей:
супруга Александра Ивановна Сивцева (1881–?),
учительница начальных классов, сыновья (слева направо)
Катерий (1904–1942) и Никтопомон (1901–1918).
Якутск, 1910 (?)

Очевидно, что дважды осужденный церковным судом Сивцев негативно относился к якутскому епархиальному начальству и коллегам-священникам, обвиняя их в местничестве и считая себя незаслуженно обвиненным. В 1919 г., лишенный священнического сана, он поступает в городское самоуправление на должность заведующего типографией и «по убеждениям» вступает в «народную организацию» эсеров. Затем по семейным обстоятельствам в декабре 1920 г. выезжает в Охотск, Владивосток и в августе 1921 г. в Японию. Последнее стало возможным благодаря содействию японских властей с условием оказания им услуг по представлению «рыбных интересов» в Охотске¹⁹.

Поведенческая стратегия автора дневника содержит полярные мнения и оценки окружающей его действительности. Он декларирует свою приверженность к христианским ценностям, указывая, что оказался жертвой революции, убежден в личной преданности духовной корпорации – «всегда вставал на защиту духовенства и интересов Церкви» и с одобрением пишет о большевиках, которые, по его мнению, должны «отвоевать права человека».

Смена государственной власти вызывает у Сивцева надежду на справедливость. Он считает себя патриотом, верующим во Христа, для которого важно будущее его страны. Отец Федор пытается принимать участие в про-

¹⁹ НА РС (Я). Ф. 3-п. Оп. 20. Д. 12. Л. 91, 150, 178.

исходящих событиях. «Мы – нейтральны...» – пишет он и далее отмечает, что «большевики уничтожают капитал, экспериментируя над Россией, социализируют массы, и здесь же уверяют, что только большевики... воссоздадут единую, могучую Россию. И так без конца. Где же правда? Где действительность? Где хотя [бы] человеческое достоинство и любовь к Родине?» Автор дневника описывает разногласия между областной и уездной милицией и казачьей дружиной, перевороты августа 1918 г. и декабря 1919 г. и создание земских учреждений в области²⁰.

Особого внимания заслуживают характеристики, данные Сивцевым епархиальным архиереям. Они субъективны, что также является отражением психологического портрета их автора, но вместе с тем дают представление о деятельности епископов первых послереволюционных лет. Так, Сивцев пишет, что время пребывания в Якутске епископа Софрония (Арефьева) стало «началом подъема» религиозного настроения верующих и возрождения епархиальной жизни, и характеризует архиерея как «человека высокого гуманного и чуткого к народным страданиям», отмечая, что власть особенно настораживали его поездки по епархии. Иные впечатления у автора дневника вызывает встреча с епископом Владивостокским и Приморским Михаилом (Богдановым)²¹, состоявшаяся в октябре 1921 г., во время которой архиерей посоветовал просителю «впредь не заниматься политикой», а нести духовную службу²². Несмотря на непоследовательность изложения событий, дневниковые записи реконструируют взаимоотношения духовных особ епархии, их настроения и позиции по отношению к происходящим в стране событиям, содержат ценные сведения о судьбах церковных и духовно-учебных зданий²³.

Дневниковые записи священника, волею судьбы оказавшегося вовлеченным в круговорот политических событий, создают представление об идеалисте и переживающей личности. И если первоначально Сивцев воспринимает происходящее как открывшиеся новые возможности, то затем приходит к убеждению, что это политическая катастрофа, и фетишизирует себя как жертву.

Очевидно, что в сложившихся исторических условиях представители духовной интеллигенции были вынуждены действовать по-иному, в нарушение привычной ментальности. Вместе с тем нарратив интеллектуальных практик представителей духовного сословия, составляющих наиболее образованную часть якутского общества, предоставляет возможность формирования локальной культурной памяти и предметного поля для определения и понимания исторической реальности в одной из отдаленных окраин.

²⁰ НА РС (Я). Ф. 3-п. Оп. 20. Д. 12. Л. 25–26, 97–98, 105–106.

²¹ Михаил, епископ (М. А. Богданов) (1867–1925), магистр богословия, духовный писатель, почетный член Казанской духовной семинарии. В 1919 г. Временным церковным управлением был назначен епископом Владивостокским и Приморским.

²² НА РС (Я). Ф. 3-п. Оп. 20. Д. 12. Л. 66.

²³ Там же. Л. 110–111.

Список литературы

1. Бергер П., Луман Т. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания). М. : Academia-центр, МЕДИУМ, 1995. С. 2, 101.
2. Иванов А. А. Интеллектуальные практики в социальных процессах модерна // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. № 1-2 (1). С. 81–85.
3. Матханова Н. П. Образ Н. Н. Муравьева-Амурского как интеллектуального лидера в воспоминаниях современников // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 9–13.
4. Петров П. П. Знаменитый брат архимандрита Серафима // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Вып. 6. Якутск : Якутский край, 2019. С. 64–70.
5. Петров С. Г. Диспут с обновленческим митрополитом Александром Введенским в Иркутске (1924 г.): воспоминания участника // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 26. С. 189–201.
6. Тихон (Воробьев), иером., Захарова Т. В. Основные этапы жизни и деятельности архимандрита Серафима (Винокурова) // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Якутск : Якутский край, 2019. Вып. 6. С. 77–80.
7. Юрганова И. И. Неизвестные страницы истории обновленчества в Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. № 4. С. 213
8. Юрганова И. И. «Герой своего времени: интеллектуал, бунтарь, безумец» (дневниковые записи священника Ф. Сивцева) // Клио. 2019. № 9. С. 154

Behavioral Strategy and Intellectual Choice of the Clergy of Yakutia in the 1920s

I. I. Yurganova

Institute of the Humanities and Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the intellectual practices and behavioral motivation of the clergy of Yakutia in the first decades of Soviet power, presents various aspects of adaptive variability, gives brief characteristics and psychological portraits of priests-intellectuals of the national outskirts of the first quarter of the twentieth century. Previously unexplored historical sources (egos-documents and materials of judicial investigation cases) about the activities of clergy representatives in the first years of Soviet power were identified and introduced into scientific circulation the practices of their adaptations to new historical conditions were considered. Information about the old Church (Tikhon) clergy is revealed, the conditions for the emergence of the renewal community in Yakutsk are shown, and its administrative apparatus is defined.

Keywords: intellectual practices, behavioral strategy and intellectual choice, first decades of soviet power, clergy of Yakutia, Renovatism, Yakut diocese.

For citation: Yurganova I.I. Behavioral Strategy and Intellectual Choice of the Clergy of Yakutia in the 1920s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 32, pp. 63-74. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.32.63> (in Russian)

References

1. Berger P., Luman T. Socialnoe konstruirovaniye realnosti (Traktat po sociologii znaniya) [Social construction of reality (a Treatise on the sociology of knowledge)]. Moscow, Academia-centr Publ, MEDIUM Publ, 1995, 323 p. (in Russian)
2. Ivanov A.A. Intellektualnye praktiki v social'nyh processah moderna [Intellectual practices in social processes of modernity]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gos-*

darstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur state technical University], 2010, no. 1-2 (1), pp. 81-85. (in Russian)

3. Mathanova N.P., Obraz N.N. Murav'eva-Amurskogo kak intellektual'nogo lidera v vospominaniyah sovremennikov [The Image of N. N. Muraviev-Amursky as an intellectual leader in the memoirs of contemporaries.]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 29, pp. 9-13. (in Russian)

4. Petrov P.P. Znamenitij brat arhimandrita Serafima [Famous brother of Archimandrite Seraphim]. *Sbornik trudov Yakutskoj duhovnoj seminarii* [Collection of works of the Yakut theological Seminary], 2019, Yakutsk, Yakutskij kraj Publ, vol. 6, pp. 64-70. (in Russian)

5. Petrov S.G. Disput s obnovlencheskim mitropolitom Aleksandrom Vvedenskim v Irkutske (1924 g.): vospominaniya uchastnika [Famous brother of Archimandrite Seraphim]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2019, vol. 26, pp. 189-201. (in Russian)

6. Tihon (Vorob'ev), ierom., Zaharova T.V. Osnovnye etapy zhizni i deyatelnosti arhimandrita Serafima (Vinokurova) [Main stages of life and activity of Archimandrite Seraphim (Vinokurov)]. *Sbornik trudov Yakutskoj duhovnoj seminarii* [Collection of works of the Yakut theological Seminary], 2019, Yakutsk, Yakutskij kraj Publ, vol. 6, pp. 77-80. (in Russian)

7. Yurganova I.I. Neizvestnye stranicy istorii obnovlenchestva v Yakutii [Unknown pages of the history of Renovationism in Yakutia]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political science. Religious studies*, 2015, no. 4, pp. 213-224. (in Russian)

8. Yurganova I.I. "Geroj svoego vremeni: intellektual, buntar, bezumec" (dnevnikovye zapisi svyashchennika F. Sivceva) ["Hero of his time: an intellectual, a rebel, a madman" (the diaries of the priest F. Sivtseva)]. *Klio*, 2019, no. 9, pp. 154-159. (in Russian)

Юрганова Инна Игоревна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН
Россия, 677009, Республика Саха
(Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1
e-mail: inna.yurganova@mail.ru

Yurganova Inna Igorevna

Doctor of Sciences (History),
Leading Research Scientist
Institute of Humanities and Indigenous
Peoples of North SB RAS
1, Petrovsky st., Yakutsk, 677009, Republic
of Sakha (Yakutia), Russian Federation
e-mail: inna.yurganova@mail.ru